

Часть третья

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ ВЬЕТНАМА

*О.В. Новакова,
В.Н. Соколова*

ВЬЕТНАМСКАЯ МОНАРХИЯ И ВЛАСТЬ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОТЕКТОРАТА: СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ?

Данная статья посвящена изучению одной из проблем эпохи колониального завоевания, которая, на первый взгляд, представляется достаточно изученной в отечественной и вьетнамской историографиях. Но существует и другой аспект данной проблемы — позиция вьетнамской монархии, ее взаимоотношения с представителями французского протектората, соотнесенные с традиционной концепцией верховной власти вьетнамского государства, ее ролью и значимостью в истории империи Дайнам. В более общем плане речь пойдет об утрате национальной идентификации вьетнамской нации в условиях колониального завоевания и ее поиске.

Столкновение двух цивилизаций

Как известно, французское колониальное завоевание Вьетнама длилось около четверти века (1859—1884 гг.), его основные этапы прошли при императоре, правившем под девизом *Ты-дык* (прав. в 1847—1883 гг.). Осознание слабости империи Дайнам и предвидимого конца ее существования с особенной силой проявились и обозначились после заключения договора 1874 г., по которому окончательно устанавливался суверенитет Франции над всей Кохинхиной (шесть провинций) и утверждались ее доминирующие позиции в Тонкине, обеспечивая путь торгового проникновения в Южный Китай — основной первоначальной цели захвата Индокитая Францией, а также захвата Бирмы Англией. Владения империи Дайнам сокращались до 13 провинций Тонкина и до 12 провинций Аннама. Но даже и на этой усеченной территории в стране не было крепкой центральной власти. В большой степени это ощущение обреченности были обусловлены внешним давлением, страхом, внушенным военной мощью пушек противника и его кораблей, в котором вьетнамские (и не только) правящие круги видели проявление промышленного, технического и научного превосходства стран Запада. Позиция уступок Франции и подписания навязанных кабальных договоров оправдывалась в их глазах тем, что мир с Францией даст Вьетнаму необходимую передышку для оздоровления внутренней ситуации в стране, как это бывало раньше в случаях противостояния китайской агрессии.

Для того, чтобы глубже понять поведение Двора Хюэ, мотивацию поступков монарха и его придворных чиновников, французским властям было необходимо считаться с грузом наследия прошлого политической истории Вьетнама: предписанными и глубоко внедренными конфуцианскими ритуалами и нормами, которые было крайне трудно сочетать с европейской традицией дипломатических отношений между суверенными государствами.

С точки зрения международной дипломатии, империя Дайнам не знала иных отношений, кроме как с Китаем — центром

дальневосточной цивилизации. Поэтому, подписывая договор 1874 г., *Ты-дык* предполагал строить отношения империи Дайнам с Францией по тем же нормам, что и с Китаем, т. е. номинального вассалитета. Исходя из конфуцианской концепции мироустройства, включавшей также принцип «добродетели заботы о слабых» и защиты легитимной династии, *Ты-дык* предполагал, что он вправе ожидать от Франции поддержки, как сильным слабого. И, вопреки логике, *Ты-дык* не переставал мечтать о возврате Францией захваченных шести провинций Кохинхины. Обязательный характер выполнения статей подписанного договора, который был присущ юридическим нормам Запада, был полностью ему не понятен и чужд, что создавало у французских властей впечатление долгого, скрытого сопротивления Двора Хюэ.

Для Вьетнама (так же, как и для Китая) было немыслимо и непонятно, что некий легальный документ, исходящий от Запада, может привести к уничтожению отношений, существовавших в течение многих веков между двумя странами, и изменить в чем бы то ни было статус страны. Поэтому уже с 1875 г. Двор Хюэ был обвинен французскими властями в систематическом противодействии установлению регулярных политических и торговых взаимоотношений между Францией и Дайнамом (Аннамом), а также в многочисленных преследованиях христиан, что противоречило IX статье договора 1874 г.

Дальнейшее развитие событий не оставляло вьетнамской монархии выбора достойного выхода из сложившейся ситуации. Во французских правящих кругах усиливались империалистические, захватнические тенденции. Их подхлестнула пришедшая в Париж новость о гибели 19 мая 1883 г. от руки китайских отрядов «Черных флагов» Анри Ривьера. 26 мая французский парламент проголосовал за кредиты для выделения средств экспедиционному корпусу в Индокитае. Но *Ты-дык* не дождал до атаки фортов Тхуанан, защищавших подступы к столице Хюэ. Он скончался 19 июля 1883 г. после тяжелой болезни. Его долгое правление заканчивалось в атмосфере национальной катастрофы. Свидетельством этого было его намерение еще осенью 1879 г. в прокламации — одной из традиционных форм обраще-

ния императора — объявить себя виновным в новых несчастьях, которые обрушились на вьетнамский народ¹. Весь монархический строй империи Дайнам распался под ударами предшествующей длительной внутренней дезинтеграции, усиленной агрессией иностранного завоевателя. Жизненная сила монархии была растрчена в многочисленных, но неадекватных действиях, направленных на ее спасение, тогда как ее «развод» со своим народом был свершившимся фактом.

Колониальные круги в Париже и высшие должностные лица во французской колониальной администрации в Индокитае быстро осознали и поняли центральную роль и значимость вьетнамской монархии в жизни вьетнамского общества. Именно поэтому на протяжении всего колониального периода, особенно после подписания сайгонского договора 1874 г., суть французской колониальной политики в Аннаме заключалась в последовательном унижении и умалении достоинства вьетнамской монархии, древнего традиционного института, берущего свое начало непосредственно с периода обретения Вьетнамом независимости от Китая, т. е. с X в.

В политических кругах Франции, профессионально занимавшихся выработкой колониальных доктрин, утвердилось мнение, что только полное и окончательное развенчание харизмы личности императора Вьетнама, лишение его всех сакральных функций, которые составляли, по выражению одного из генерал-губернаторов Индокитае Э. Ришо, «голову и сердце» империи, обеспечат максимально эффективный французский протекторат в этой стране. Поэтому для французских властей было необходимо публично продемонстрировать подчинение монарха, показать, что он утратил свои сакральные функции.

Говоря о монархии — древнем и центральном институте вьетнамской государственности, необходимо подчеркнуть сложные представления о власти, связанные с китайской культурной традицией. Суть вьетнамской властной идеологии составлял культ правителя, стоявшего в центре всей идеологической системы традиционного общества. Правитель, обладая харизматическим культом, выполнял главнейшую сакральную функцию — преобразование социума через поучение². Именно вокруг культа

правителя концентрировалась официальная религиозная традиция страны, сочетая в себе три элемента: культ Неба, императорских предков и жертвоприношения у алтаря. Вся модель государства отождествлялась с упорядоченным и централизованным космосом, универсальным пространством, в основе которого лежала идея духовной и политической интеграции территорий в единое пространство монархической власти³. Кроме того, концепция государственной власти династии Нгуен была тесно связана с ее материальным воплощением — дворцовым императорским комплексом в Хюэ. Столица воспринималась как центр государства с особым статусом, в котором было сфокусировано сакрально-политическое мировое пространство, персонифицированное фигурой правителя.

После смерти *Ты-дыка* новый вьетнамский император, назначенный Регентским советом уже с одобрения французских властей, *Хиен-хоа* (прав. с 30 июля по 29 ноября 1883 г.), 29-й сын умершего императора *Тхьеу-чи* (отца *Ты-дыка*), 25 августа 1883 г. без сопротивления подписал договор об установлении протектората, который означал капитуляцию Двора Хюэ по всем позициям, которые так упорно защищал при своей жизни *Ты-дык*. Двору Хюэ оставалась в управление узкая полоска территории вдоль побережья.

Следуя политике унижения и умаления достоинства вьетнамской монархии, лишения сакральных функций императорского Запретного города, колониальные власти настояли на том, чтобы Двор Хюэ уступил территорию в северной части крепости Хюэ с правом размещения там французского гарнизона, что было беспрецедентным фактом, так как никаким иностранным войскам не разрешалось находиться в пределах столичной крепости. Впервые в истории Вьетнама войска завоевателя получили право находиться в столичной цитадели, а затем и внутри Запретного города. Пребывание военных подразделений иностранных завоевателей в Хюэ воспринималось как грубейшее нарушение статуса сакрального пространства, унижавшее персону правителя. Для французов также впервые открылся срединный проход Южных ворот («Нго мон»), обычно предназначавшийся только для персоны правителя. Французские вла-

сти настояли на уничтожении символа признания легитимности династии Нгуен Китаем: серебряной печати, врученной китайскими посланцами еще в 1804 г. основателю династии Нгуен — *Зя-лонгу*. Подвергаясь подобным унижительным ритуальным процедурам, Двор Хюэ начинал чувствовать всю тяжесть французского протектората.

После непродолжительного пребывания на троне император *Хиен-хоа* был низложен своим окружением в Хюэ, недовольным его капитулянтской позицией. На престол был возведен 15-летний принц *Киен-фук* (прав. в 1884—1885 гг.), и при Дворе установился режим регентства. В развитие договора 1883 г. в 1884 г. был заключен новый договор о протекторате, который вплоть до 1945 г. оставался основным документом, регулирующим франко-вьетнамские отношения.

Однако силы сопротивления в стране не были сломлены. Возрастала напряженность отношений между Двором Хюэ и его традиционной опорой — образованным классом («*шифу*»), «хозяевами народных дум и настроений», и чиновниками. Неодобрение слабости Двора, которое выражали конфуцианские ученые-*шифу*, обозначило намечающийся конфликт между двумя идеалами конфуцианского учения, не отделимыми один от другого — преданностью монархии (*trung quân*), лежавшей в основе политической конфуцианской этики, с одной стороны, и любовью к Отечеству (*ái quốc*) — с другой. Проводя тактику пассивного сопротивления и проволочек, Двор под давлением французских властей все же уступал их требованиям. В сложившихся экстремальных условиях, ученые-*шифу*, исполненные гордостью за свою национальную культуру, пронизанную славой прошлого, предпочли задачу освобождения вьетнамского государства послушанию монарху. Реакция ученых-*шифу* таких провинций, как Тханьхоа, Нгеан, Хатинь и Куангбинь (северная часть Центрального Вьетнама), на подписание договора 1874 г. отражала это состояние умов⁴. К тому же их чувства были оскорблены одной из статей договора, которая, положив конец полувековому преследованию христианства со стороны вьетнамских императоров, позволяла считать адептов «развращающей религии» группой особых подданных и, что было еще более

оскорбительно, эта статья договора разрешала им принимать участие в традиционных конфуцианских конкурсных экзаменах, тем самым открывая им двери к чиновной карьере в системе государственного аппарата⁵. Это было беспрецедентным фактом, так как со времен распространения христианства во Вьетнаме в XVII в. эта возможность сделать наиболее престижную карьеру была для них закрыта. Будучи убежденными в том, что необходимо защищать справедливое дело — национальную независимость, хранители прежнего порядка позволили себе нарушить традиционные нормы лояльности по отношению к императору и его воле и на свои средства сформировали воинские части для борьбы против французов⁶.

Однако существовала и другая группировка вьетнамских придворных, участвовавших в переговорах, которая опиралась на высокий в силу существовавших в то время традиций авторитет Верховной императрицы⁷ — матери императора *Ты-дыка* — Ты Зу. Ее представители, как и ранее император *Ты-дык*, считали, что в данной экстремальной ситуации, когда происходит очередное наступление колониальных властей на монархию, необходимо в первую очередь всеми силами ее сохранить. В связи с этим французским властям было предложено обосноваться в Тонкине и сделать из него колонию по примеру Кохинхины, вместо установления там протектората, при условии, что провинции Тханьхоа, Нгеан и Хатинь будут включены в состав того, что осталось от империи Дайнам, и что там будет полностью отсутствовать французский контроль. Это предложение подчеркивает значимость и роль монархии для вьетнамского социума в истории Вьетнама. Мотивация имела своим истоком всю ту же историческую концепцию верховной власти, по которой в период междуцарствия, вызванного «гневом Неба», важнее всего было предотвратить иностранное вмешательство на территории, где находились могилы предков — главные символы династии, что составляло саму историю государства и поддерживало правителя. Стремление сохранить любой ценой «империю Аннам» с древней столицей Хюэ и могилами императорских предков династии Нгуен, сутью и символом вьетнамской государственности, отражало надежду придворных кругов на

возрождение самостоятельного, независимого государства — главной ценности в глазах вьетнамской нации. Уничтожение же монархии, равно как ее моральное унижение, приводило к утрате всех шансов на это возрождение.

После смерти императора *Ты-дыка* именно в этом направлении происходили быстрые изменения. Не прошло и двух лет, как у вьетнамского монарха фактически было отнято все его могущество, как духовное, так и материальное. Фиксируя этот факт, один из чиновников французской администрации приказал отныне своим подчиненным переводить величественное слово «хоангдэ», официально обозначавшее персону правителя империи Дайнам, термином «король». Для французских властей было также необходимо показать, что император утратил свои сакральные функции. Для этого представитель французских властей Патенотр стремился добиться от императора *Киен-фука* личной аудиенции. Следующим шагом в этом же направлении было требование французов об обязательном одобрении с их стороны кандидатуры нового императора. В связи с этим уже прошедший традиционную церемонию интронизации император *Хам-нги* (прав. в 1884—1885 гг.) был вынужден вместе со всем Двором ее повторить в присутствии французского генерального резидента и французских офицеров.

Процесс укрепления власти французского протектората в Тонкине и Аннаме. Противоречивость французской политики

Положение дел во Вьетнаме для колониальных властей оставалось сложным. Французская администрация делала свои первые шаги, местная вьетнамская администрация пребывала в смятении. Многие вьетнамские чиновники были сняты со своих постов. Французские чиновники смогли утвердиться лишь в семи центрах дельты Красной реки. Таким образом, в численном соотношении несколько десятков французских чиновников действовали среди 10-миллионного, враждебно настроенного

населения. В политическом и социальном плане Тонкин для колониального режима представлял собой вакуум.

В этих условиях генеральный резидент в Тонкине и Аннаме генерал де Курси (июнь 1885 г. — январь 1886 г.) был намерен действовать решительно. Он захватил столицу Аннама Хюэ, осуществил смену монарха, посадив на трон подчинявшегося воле французов императора *Донг-кхана* (прав. в 1885—1889 гг.). Непосредственное участие французов при выборе наследников на престол шло наперекор многовековым традициям Вьетнама, где император почитался как Сын Неба, власть которого легитимна только при благоволении Неба⁸. Действия генерального резидента в отношении Двора Хюэ были вызывающими, что фактически положило начало движению сопротивления «*канвыонг*» и вооруженному противостоянию властей протектората и сил монархии во Вьетнаме.

В то же время в колониальной политике Франции в Индокитае к концу 1886 г. произошел поворот от преобладания военных методов к гражданскому администрированию. 7 января 1886 г. протекторат Аннам—Тонкин был выведен из-под контроля Министерства морских дел и передан Министерству иностранных дел, что подчеркивало намерение Франции укрепить позиции гражданской администрации в Северном Вьетнаме с тем, чтобы в возможно кратчайшие сроки приступить к экономическому освоению ресурсов колонии.

Во Франции колониальные круги поддерживали курс на увеличение различий административного и политического статусов подчинения Тонкина и Аннама и дальнейшее расчленение некогда единого государства. Поэтому результатом переговоров нового генерального резидента Аннама и Тонкина Поля Бера с Двором стало заключение в 1886 г. конвенции, по которой центральной части Вьетнама (Аннам) предоставлялась большая автономия, чем северной части (Тонкину). В отношении Аннама, где институт вьетнамской монархии рассматривался как возможный рычаг эффективного управления новыми завоеванными владениями, отныне проводилась политика ассоциации и так называемого «облегченного протектората»⁹.

Что касается Тонкина, то в результате заключения этой же конвенции, он был фактически выведен из-под административного контроля Двора Хюэ, власть императора над Тонкином стала номинальной. Декретом от 30 апреля 1886 г. генеральный резидент Аннам и Тонкина создавал Совет 40 тонкинских нотаблей, совещательный орган, члены которого избирались главами округов ежегодно. Декретом от 3 июня 1886 г. широкие полномочия были делегированы вьетнамскому чиновнику «*кинълюку*»¹⁰, должность которого французские власти ошибочно рассматривали как должность наместника императора в Тонкине и который отныне имел возможность без участия императора принимать необходимые и наиболее удобные для французов решения по местным делам.

Все вышеуказанные мероприятия колониальных властей были направлены на неуклонный подрыв престижа вьетнамской монархии и уменьшение ее власти над основными частями территории вьетнамского государства, с таким триумфом объединенного основателем династии Нгуен — императором *Зя-лонгом* в начале XIX в. Аннам — центральная часть бывшей империи Дайнам, территория которой была урезана до минимума, уже не мог вернуть своего бывшего могущества.

Разделив бывшую империю Дайнам территориально, французская колониальная администрация усилила политику все большей централизации и концентрации своей власти. По мере того, как движение сопротивления сходило на нет, и можно было говорить о начале экономического освоения приобретенных территорий, было решено объединить все завоеванные территории в одно политическое образование — Индокитайский союз. Согласно декрету от 17 октября 1887 г., в новое образование вошли Кохинхина, Аннам, Тонкин (три «страны» разделенного Вьетнама) и Камбоджа. В 1893 г. к нему был присоединен Лаос, а в 1900 г. — территория Гуанчжоуван. Во главе Союза был поставлен генерал-губернатор. Создание генерал-губернаторства было выражением политики централизации и унификации власти Франции в Индокитае, перед лицом которой различные степени «автономности», предоставленные Францией, оказывались полной фикцией.

Направления французской политики в Индокитае и ее противоречивость

К 1880-м годам во французском парламенте сложилась группа сторонников колониальной экспансии, во главе которой стоял Жюль Ферри, депутат индустриального департамента Вогезы, ревностный республиканец. Во главу угла он ставил необходимость экономического развития метрополии, заморские территории рассматривались как необходимые рынки сбыта французских товаров¹¹.

Кроме того, в этот же период из левого центра выделилось республиканское объединение, которое противники окрестили «кликкой оппортунистов». В специфическом контексте исторического развития Франции оппортунизм стал стилем политики, присущим умеренным республиканцам, а Леон Гамбетта — ярким представителем и предводителем этой политики «результатов». Будучи непосредственно связаны в силу своего социального происхождения с банковским и промышленным капиталом, оппортунисты прислушивались к требованиям узких деловых кругов, заинтересованных в колониальной экспансии. Сложилась настоящая «партия колониалистов», в глазах которых Индокитай — это новое колониальное владение Франции на Дальнем Востоке — сразу же после начала завоевания приобрел первостепенное значение.

Франция посылала в Индокитай своих выдающихся политических деятелей, таких, как П.Бер, Жан-Мари де Ланессан, П.Думер, П.Бо, А.Сарро, А.Варен, П.Паскье. Эти политические деятели, находившиеся на высших постах колониальной администрации Индокитае, отличались своим видением и пониманием ситуации в Индокитае, осознавая зачастую каждый по-своему его место и роль в судьбах Франции. Многие французские политики периода конца XIX — начала XX вв. претендовали на применение во Вьетнаме различных теоретических колониальных доктрин, в частности, политики «ассимиляции» или «ассоциации», опиравшихся, в свою очередь, на теории европейского либерализма. Это проявлялось в создании различ-

ных «представительных» выборных учреждений, что полностью шло вразрез с менталитетом такого закрытого восточноазиатского общества с его монархической идеологией, каким был Вьетнам в XIX в. Поэтому даже те либеральные реформы, которые проводились с целью модернизации¹² вьетнамского общества в области образования, насаждения и развития вьетнамской прессы, современных жанров литературы и живописи, формирования современной элиты, наконец, — все они были объективно направлены против основной парадигмы вьетнамского общества и вьетнамской монархии в первую очередь, видевшей в модернизации только вред и не хотевшей никаких изменений в этом плане.

Одним из важнейших направлений политики властей протектората в отношении монархии были попытки «приручить» вьетнамских императоров, таких, как *Тхань-тхай*, *Зуи-тан*, путем приобщения их к западным ценностям через образование. Но они окончились неудачей. Не случайно, что все восстания под руководством мятежных императоров (*Хам-нги*, *Зуи-тана*), рассматривались колониальными властями как одна из самых опасных угроз их присутствию и господству во Вьетнаме. Отдавая себе отчет, что восставшие обретали в лице этих императоров естественный и давно ожидаемый традиционный объединительный центр не только в организационном, но, главное, в идейном плане, власти французского протектората считали невозможным их пребывание во Вьетнаме даже после их пленения и отправляли их в свои далекие африканские колонии — в Алжир и на остров Реюньон. И только начиная с правления императора *Кхай-диня*, отца *Бао-дая*, можно говорить о полном подчинении правящей династии: *Кхай-динь* публично заявлял о своем намерении укрепить институт монархии во Вьетнаме, опираясь на помощь французских властей, о чем свидетельствовала и конвенция 6 ноября 1925 г.¹³

Другим направлением политики властей протектората было проникновение в структуру традиционной придворной элиты Вьетнама с целью влиять на нее и ее решения изнутри. Такая задача представлялась очень значимой для властей французского протектората, так как вьетнамская политическая придворная

элита в лице дипломированных лауреатов конкурсных экзаменов представляла собой привилегированные группы, функционировавшие в рамках различных советов при императоре, и была по сути скрытой оппозиционной силой в отношении французских властей. В целом, что касается придворной элиты и вьетнамской администрации на местах, то французские власти зачастую проводили противоречивый курс, вектор которого определялся взглядами назначаемых на высшие посты в Индокитае новых французских глав, которые склонялись то к проведению более «лояльной» политики в отношении Двора, предполагавшей предоставление ему большей самостоятельности, то к прямому вмешательству и давлению на Двор.

Так, например, первый генерал-губернатор Индокитайского союза, член республиканской партии, приверженец политики оппортунизма, Э. Констан (правил с ноября 1887 г. по апрель 1888 г.), решительно высказывался против прямого французского правления. Он дал понять императору *Донг-кханю* о своем намерении расширить сферу полномочий Двора Хюэ¹⁴. Преемник Э. Констана на этом посту — Э. Ришо (апрель 1888 г. — май 1889 г.) имел противоположную точку зрения по этому вопросу, считая, что любой протекторат, который не ведет к прямому подчинению, есть фикция¹⁵.

Э. Ришо полагал, что древняя столица империи Дайнам, несмотря на расчленение Вьетнама, остается «головой и сердцем империи», поэтому, чтобы добиться успеха, французы должны сфокусировать свое внимание на Хюэ, поскольку именно оттуда исходят все интриги, мешающие французским действиям. Вместе с тем он подчеркивал, что ни в коем случае нельзя снижать уровень французского участия в делах Двора. Путь к успеху он видел в подчинении системы чиновного аппарата французам и превращении его в эффективный инструмент французского господства. Поэтому Э. Ришо предлагал меньше сосредотачиваться на персоне правителя *Донг-кханя*, ставленника французов, но подчинить себе всемогущий правящий класс бывшей империи Дайнам — ученых-*шифу* и чиновников, которые, по его мнению, уже давно свели королевское достоинство вьетнамских правителей к «номинально-ритуальным функциям». Иначе го-

воря, Э. Ришо высказывался за прямое управление протекторатом Аннам.

К 1889 г. французские власти подвели итоги своих успехов во Вьетнаме: они почти полностью владели военно-политической ситуацией, пленение императора *Хам-нги* открыло для них прямую возможность влиять на Двор Хюэ. Но император *Донг-кхань*, послушный французским властям, 28 января 1889 г. за несколько дней до Нового года по лунному календарю, скончался от приступа злокачественной малярии. Скоропостижная смерть монарха вызвала сумятицу в умах народа, который приписывал эту внезапную кончину проявлению гнева Неба. Усилилась борьба вокруг императорского трона. Это замешательство позволило Франции напрямую вмешаться в дела Двора. На трон был посажен 10-летний принц Быу Лан, правивший под девизом *Тхань-тхай* (1889—1907 гг.), сын императора Зук Дыка, одного из приемных сыновей *Ты-дыка*, занимавшего престол всего четыре дня: с 20 по 23 июля 1883 г. В церемонию коронации было включено существенное новшество: теперь молодой принц получил инвестицию именно из рук французского генерального резидента Рейнара, а не из рук китайского посла.

В дальнейшем долгое время политика в Аннаме осуществлялась от имени Совета регентов при несовершеннолетнем императоре *Тхань-тхае*. Французские власти предполагали, что возведение на трон придворными Хюэ малолетнего императора было сделано специально с целью учреждения Регентского совета, чтобы использовать таковой как преграду между императором и французами, но действие этого совета было вскоре нейтрализовано конвенцией, которую Рейнар заставил подписать Двор 26 февраля 1889 г., по которому Рейнар как генеральный резидент получал право присутствовать на заседаниях Частного совета, а также Совета регентов и контролировать все акты этих советов. Кроме того, генеральный резидент имел теперь прямой доступ к казне императорской семьи. Что касается молодого императора, то французские власти относились к нему лишь как к орудию проведения своей политики. В окружении императора находились придворные, зачастую не обладавшие высокими моральными качествами, они нередко забавлялись тем,

что унижали молодого императора. Все это сформировало жестокий нрав и взбалмошный характер *Тхань-тхая*.

Возвращение известного политического деятеля Эжена Этьена в феврале 1889 г. на пост помощника государственного секретаря Франции по делам колоний дало новый импульс идее централизации политики и администрации. Пост генерального резидента Аннама и Тонкина упразднился и создавались посты верховного резидента в Хюэ и верховного резидента в Ханое¹⁶. Оставалось лишь окончательно изъять Индокитай из компетенции Министерства иностранных дел Франции, которое сохраняло за собой определенные права в отношении политики в Индокитае. Декрет от 21 апреля 1891 г. передавал полную власть над Индокитаем в руки помощника государственного секретаря по делам колоний, а также наделял генерал-губернатора Индокитайского союза более широкими полномочиями. Теперь он имел право вести переговоры напрямую с дипломатическими представителями Франции на Дальнем Востоке, назначать гражданских и военных чиновников, возглавлять внутреннюю и внешнюю оборону Союза, контролировать финансовые вопросы¹⁷.

В этот период главное внимание французских властей было направлено на то, чтобы вынудить Двор Хюэ признать необходимость проведения финансовых преобразований под их контролем в протекторате Тонкин—Аннам, что позволило бы, с одной стороны, поправить финансовое положение Тонкина, с другой — усилить давление французских властей на Двор Хюэ. В марте 1889 г. французские власти сумели убедить Двор Хюэ в необходимости введения определенного числа косвенных налогов, сбором которых должны были заниматься французские чиновники, а доходы от них должны были быть поделены между французскими и вьетнамскими властями. По настоянию верховного резидента Аннама Эктора 3 сентября 1889 г. была введена монополия на продажу опиума в Аннаме, часть дохода от которой предназначалась Двору Хюэ. Французские власти добились также у Двора Хюэ отказа в свою пользу от монополии на корицу в обмен на предоставление королевской казне ежегодных отчислений. Однако французские власти, получив глав-

ные рычаги финансовых поступлений, передачу части дохода Двору Хюэ постоянно задерживали.

Финансовые проблемы объясняют череду постоянно сменяющих друг друга генерал-губернаторов, а также и их временно исполняющих обязанности, что не давало возможности политическим кругам Франции («колониальной партии») выработать единую линию и политическую доктрину в отношении Индокитая. Перед лицом постоянных финансовых проблем французские власти стали всерьез задумываться об изменении статей 11, 15 и 28 договора 1884 г., утверждая, что это поможет улучшить финансовое положение в протекторате, дефицит бюджета которого вызван именно специфической природой данного договора¹⁸. Новый генерал-губернатор де Ланессан (управлял с апреля 1891 г. по декабрь 1894 г.), отправляясь из Парижа в Индокитай, получил поручение пересмотреть эти статьи.

Жан Мари Антуан де Ланессан, французский ученый и политический деятель, депутат парламента с 1881 г., в 1886—1887 гг. правительственный делегат в Тонкине, профессионально занимался колониальными вопросами, был докладчиком по бюджету колоний, одновременно продолжая вести научную работу. Будучи членом Антропологического общества, де Ланессан установил тесные связи с республиканцами и сформулировал республиканскую антропологическую доктрину колонизации. Физиолог и врач, как и Поль Бер, де Ланессан провозглашал господство материализма и атеизма во французской мысли. Его теории вызывали скандал в католическом мире.

Главной идеей политики де Ланессана было построение политического, административного и финансового единства двух некогда единых частей империи Дайнам, между которыми именно договор 1884 г. установил четкие различия. Необходимо было, по его мнению, в первую очередь привести к единой административной и финансовой организации Аннам и Тонкин, а затем объединить их политически, уравнивая тем самым степень распространения влияния как французских властей, так и правительства Двора Хюэ. Конечной целью де Ланессану представлялось сочетание интересов государства-протектора и покровительствуемой нации путем соединения всех ресурсов в единый

бюджет, из которого «кормились» бы все службы, как императорские, так и французские¹⁹.

Для претворения в жизнь положений своего политического курса де Ланессану необходимо было осуществлять управление с теми людьми, которые могли быть «достойными представителями аннамитской нации и защитниками целостности империи», т. е. одной из первых его задач было укрепление связей с Двором Хюэ и привлечение местных элит к сотрудничеству. 26 июля 1891 г. с санкции Двора де Ланессаном была опубликована «Прокламация Его Величества императора Аннама чиновникам, ученым-конфуцианцам и населению Тонкина», в которой говорилось об уменьшении объема тяжелых общественных работ, а также о необходимости уничтожения пиратов и повстанческих отрядов при помощи самих же крестьян и при сотрудничестве чиновников Тонкина. Данная прокламация также преследовала своей целью хотя бы косвенно вновь подтвердить власть Двора Хюэ над этой частью империи — Тонкином.

Дальнейшие реформы, проведенные де Ланессаном и нацеленные на более глубокое проникновение властей протектората в финансовые сферы Вьетнама, скоро принесли свои результаты. К маю 1892 г. был введен ряд косвенных налогов, которыми ведали французские чиновники. Указанные конкретные мероприятия французских властей означали, что принцип прямого вмешательства администрации протектората в дела центральной администрации вьетнамского государства, прежде всего финансовые, был заявлен и осуществлен на деле. Но это было только первым шагом по пути реформы, предложенной де Ланессаном, главной целью которой было включение государственного бюджета Вьетнама в генеральный бюджет протектората.

Гибкий политический курс де Ланессана, во многом сильно отличавшийся от его предшественников, был обусловлен в первую очередь десятилетней упорной антиколониальной борьбой крестьянства Тонкина, которая ставила под вопрос завоевание Францией Северного Вьетнама в целом. Де Ланессан сумел вывести протекторат из этого глубокого кризиса, его действия имели большое значение для укрепления колониального режи-

ма. Де Ланессан сосредоточил в своих руках и гражданскую, и военную власть. Однако оставались два ограничения: во-первых, правительство Франции имело право в любой момент сместить генерал-губернатора с должности (что и произошло с де Ланессаном в декабре 1894 г.) и, во-вторых, финансы Тонкина были поставлены под жесткий контроль депутатов французского парламента, который распоряжался 2/3 расходов протектората.

Преемник де Ланессана, Арман Руссо, дополнил и развил финансовые реформы де Ланессана на пути усиления французского контроля за вьетнамской казной, а также за продвижением вьетнамских чиновников по служебной лестнице. Протекторат имел теперь возможность контролировать численность вьетнамских чиновников (это были 525 человек из центральных служб, 802 чиновника вьетнамских министерств и 620 человек, получавших жалование напрямую от французских властей)²⁰. Поэтому уже в следующем 1896 г. французская администрация смогла четко зафиксировать численность служащих вьетнамских служб провинций Аннама, количество которых отныне не могло быть увеличено, а новые назначения могли осуществляться лишь в случае естественной смерти.

Генерал-губернаторство Поля Думера (1897—1902 гг.) стало вехой в развитии французского присутствия и укрепления протектората во Вьетнаме. Видный деятель колониальной партии, созданной во французском парламенте в 1892 г., большой знаток финансовой ситуации в Тонкине, П. Думер имел определенную программу действий с целью укрепления Индокитайского союза. Одним из его первых мероприятий была ликвидация поста *кинльюка* в Тонкине — ставленника Двора Хюэ, настраивавшего, по его мнению, против Франции все вьетнамское чиновничество этой части страны.

Тем временем император *Тхань-тхай* достиг совершеннолетия, что привело к упразднению совета регентов. П. Думер прекрасно понимал, что идея величия императорской власти все еще очень прочно укоренена в народе. Полагая, что необходимо по-прежнему продолжать осуществлять тесный контроль над молодым императором, он задумал для него серию путеше-

вий, что шло вразрез с традициями, запрещавшие императору выезжать за рубежи страны в любом ином качестве, кроме командующего победоносной армией.

Поэтому П. Думер не только пригласил императора *Тхань-тхая* одновременно с королем Камбоджи Нородомом посетить Сайгон в декабре 1898 г., когда там проходила сессия Высшего совета Индокитая, а затем на торжественное открытие в феврале 1902 г. первого железного моста через Красную реку в Ханое и железной дороги Ханой—Хайфон, но предполагал даже организовать визит императора во Францию по случаю международной колониальной выставки 1900 г. Можно предположить, что Поль Думер хотел видеть в *Тхань-тхае* помощника в своей «цивилизаторской миссии», посредника между архаичным Двором и современным и динамичным обществом, создание которого входило в намерение французских властей. Здесь мы видим одну из попыток французов привлечь к сотрудничеству молодого вьетнамского императора на почве новых, модернистских идей. В целом же, усиление политического контроля протектората сопровождалось дальнейшей десакрализацией личности вьетнамского монарха, престиж и харизма которого не выдерживали нарастающего давления властей протектората²¹.

П. Бо, назначенный на пост генерал-губернатора в 1902 г., считал своей задачей сформулированное правительственными кругами в Париже, дополнение мероприятий предшественника различными смягчающими мерами культурно-образовательного плана. Важнейшим и новаторским направлением политики П. Бо было его намерение открыть вьетнамцам доступ к низшим должностям в службах протектората, что с начала XX в. стало в их глазах наиболее престижной карьерой²², а для колониальных властей — одним из средств расширения своей социальной базы.

Считая, что необходимо уважать и поддерживать местные институты и рассматривать население колонии не только как рабочую силу, П. Бо предполагал проводить политику сотрудничества с Двором Хюэ при одновременном установлении контакта через голову чиновников и ученых-*шифу* со всем населением Вьетнама путем организации представительных вьетнамских

учреждений по европейскому образцу. Так, 4 мая 1907 г. была создана консультативная Туземная палата Тонкина, которая, как ни странно, способствовала усилению влияния деревенской верхушки, так как ее представители по-прежнему сохраняли контроль над общинной жизнью и над сбором подушного налога²³.

Именно эта социальная группа сыграла решающую роль при выборах консультативной палаты: во многих провинциях деревенское население голосовало, следуя распоряжению начальников округов, что во многих случаях способствовало провалу кандидатов из *шифу* и чиновников. П. Бо расценил это как существующее сильное расхождение во мнениях между группами правящего класса (*шифу*) и народом, представленным деревенской верхушкой, или, в более общем политическом плане, между прошлым и будущим Вьетнама под руководством нации-покровительницы, т. е. Франции. Но традиционная элита расценила создание этой палаты как маневр, направленный на уменьшение ее роли в управлении. Все это способствовало дальнейшему усилению ее недовольства, наблюдавшегося во Вьетнаме уже в течение нескольких лет, и которое в определенной мере было спровоцировано политикой наступления на ее права властями протектората.

Это особенно ясно видно на примере правления упоминавшегося императора *Тхань-тхая*, первого императора после императора *Ты-дыка*, правившего относительно долго. Он подвергался постоянным нападкам со стороны колониальных властей, которые считали его пораженным «безумием» и настаивали на отстранении его от власти. В частности, Фернан Левек, верховный резидент Аннама, в своем рапорте генерал-губернатору в 1906 г. приводил такие веские доводы в пользу упразднения института монархии как ненужного «дорогостоящего механизма» и, самое главное, основного препятствия на пути распространения французского влияния и эффективной эксплуатации и управления во Вьетнаме²⁴.

Метрополия дала согласие на отстранение от власти *Тхань-тхая* в июле 1907 г., поручив членам Тайного совета назначить нового преемника. Однако в глазах *шифу* назначение

преемника императора группой придворных, не связанных кровным родством с правящей династией, означало уничтожение императорской власти как таковой и традиционного монархического устройства государства. В адрес колониальных властей стали поступать критика и протесты. Усиление политических волнений при Дворе заставило французские круги обратиться к поиску преемника среди принцев Двора. 3 сентября 1907 г. императору *Тхань-тхай* был предложен текст отречения, где имя преемника должен был указать сам *Тхань-тхай*. Выбор был сделан в пользу его 8-летнего сына, принца Винь Сана, правившего под девизом *Зуи-тан*. Было принято решение воспитать молодого монарха в европейском либеральном духе, сделать его открытым современным идеям и готовым к тесному сотрудничеству с властями протектората. Однако именно правление императора *Зуи-тана* (1907—1916 гг.), которое французы мыслили как основу для будущего сотрудничества и укрепления своего влияния, оказалось самым богатым на «революционные события»: антиналоговое восстание 1908 г., ханойский заговор, наконец, восстание под руководством самого императора.

В условиях волнений и недовольства со стороны класса *шифу* новый генерал-губернатор Антони Клобуковски был призван решать все тот же вопрос: какая политика могла принести больше результатов — политика прямого администрирования или расширение режима протектората. Прямое вмешательство было признано неприемлемым. А. Клобуковски считал необходимым возвращение к политике протектората, поскольку указанные события начала XX в. показали, что прямое вмешательство и «скрытая аннексия» власти монархии французскими властями привели к конфликтной ситуации. Институт монархии все еще представлял собой совокупность традиционных устоев государства и народа. Поэтому новый верховный резидент Аннама Эли Гроло по распоряжению генерал-губернатора должен был повысить престиж Совета регентов, уважительно относиться к чиновникам вьетнамской администрации, признать необходимость совместного с вьетнамскими чиновниками управления Аннамом²⁵.

Уважение к местным традициям, казалось, делало политику А. Клобуковски абсолютно обратной политике его предшественников. Это служит еще одним доказательством того, что колебания и противоречия французской колониальной политики в странах протектората не прекращались и в новом XX в. Политика А. Клобуковски была также нацелена на ограничение возможностей прессы как источника антиколониальных настроений, так как пресса, ее определенный плюрализм мнений уже создавали проблемы для колониальной администрации. В этом мы видим проявление во Вьетнаме процесса модернизации и современных XX в. реалий, существовавших наряду с таким давним традиционным институтом, как вьетнамская монархия.

В октябре 1911 г. генерал-губернатором был назначен А. Сарро. Утверждая, что колониализм — это привнесение прогресса колонизируемым народам, это явление «либерализма искреннего, но осмотрительного», А. Сарро провозглашал модернизацию восточноазиатских обществ. Для этого необходимо было, по его мнению, проведение политики ассоциации и взаимной заинтересованности страны-покровителя и покровительствуемой нации. В начале 1912 г. состоялась встреча генерал-губернатора с Советом регентов в Хюэ, где он, извлекая уроки из опыта предыдущих лет, заявил, что не намерен изменять принципы традиционного политического устройства Вьетнама.

Назначение такого видного политического деятеля Франции, как А. Сарро, генерал-губернатором Индокитая означало изменение политики Франции. Этот поворот был обусловлен приближавшейся Первой мировой войной, но, главное, осознанием правящими кругами Франции того, что в наступившем XX в. наиболее эффективная экономическая отдача колоний возможна лишь при наличии и расширении социальной базы французского протектората, т. е. «лояльном сотрудничестве» власти протектората с различными слоями вьетнамского общества, в том числе с монархическими кругами.

Несмотря на пафосность провозглашенного нового политического курса, конкретная политика на местах зачастую расходилась с этим курсом. Да и сам генерал-губернатор А. Сарро желал усилить контроль и наблюдение за действиями местной

вьетнамской администрации и побороть, наконец, окончательно упрямое многолетнее противодействие со стороны вьетнамских министров любым актам колониальных властей. Важным шагом в этом направлении должна была стать кадровая организация местной администрации Аннама, которая, дополненная иерархией назначений и продвижений по службе, была нацелена на изъятие кадровой функции назначения чиновников из компетенции Совета регентов. В целом реформы А. Сарро, особенно его образовательная политика (ему принадлежит заслуга создания новой европеизированной системы франко-вьетнамского образования), были направлены на то, чтобы в максимально возможной степени уменьшить влияние среди населения концепции традиционных конфуцианских доктрин, среди которых главное место занимала идея послушания и преданности монарху.

Наглядным подтверждением этой политики служит конфликт с придворным министром образования Као Суан Зуком. Его приверженность традиционным устоям и то значимое влияние, которое он оказывал на умонастроения ученых-*шифу*, выражая свою преданность духу «традиционного Аннама», вызывали недоверие и настороженность у верховного резидента Аннама Жоржа Маэ, который со временем все более настаивал на отставке Као Суан Зука с занимаемого поста в Регентском совете, что вскоре и произошло²⁶. В октябре 1913 г. министр Као Суан Зук был отправлен в отставку как неблагонадежный в глазах французских властей, на его место был назначен вьетнамский губернатор (*тонгдок*) пров. Куангнам Хо Дак Чунг, положительно зарекомендовавший себя в глазах французских властей активным участием в подавлении антиналогового восстания 1908 г.²⁷

Власти протектората также настороженно относились к императору *Зуи-тану*, который, несмотря на свой юный возраст, все более явно демонстрировал намерение утвердить свою императорскую власть с присущими ей атрибутами. Со временем опека французских властей стала казаться императору излишней и бестактной²⁸. К 1915 г. император *Зуи-тан* стал открыто осуждать действия французских властей, которые, уже однажды

оскорбив культ императорских предков, продолжали унижительные поиски сокровищ при Дворе. Император обвинил также французскую администрацию в неуважении и постоянном нарушении положений договора о протекторате 1884 г. Намерение *Зуи-тана* стать независимым суверенным правителем стало беспокоить французские власти. Выработанная французским протекторатом схема отношений с Двором Хюэ более не отвечала стремлению к усилению личной власти императора.

В ночь с 3 на 4 мая 1916 г. совершенно внезапно для колониальных властей *Зуи-тан* покинул дворец и попытался возглавить повстанческое движение, охватившее провинции Тхыатхиен, Куангнам и Куангнгай. Но заговор был быстро разгромлен, движение подавлено, участники арестованы. Император был задержан в 6 км от Хюэ и помещен в цитадель. Как заявлял *Зуи-тан*, его целью было заставить французские власти протектората, оказавшиеся в затруднительном положении из-за идущей войны в Европе, изменить положения договора 1884 г., дав тем самым его родине право на самоуправление²⁹. 2 июля 1916 г. император *Зуи-тан* вместе с матерью, женой и сестрой был депортирован во французскую колонию на остров Реюньон (Африка). Характерно, что восстание императора *Зуи-тана* и последующие за ним арест и депортация не вызвали большого отклика среди населения и чиновников, так как безразличие к монархии стало все больше проявляться уже со времени отречения *Тхань-тхая*. Заговор по сути дела не имел будущего, однако он представлял собой фактически единственное выражение протеста монархии после длительного периода уступок.

Церемония коронации нового императора состоялась 17 мая 1916 г., когда принцу Быу Дао французскими властями были поднесены атрибуты власти и провозглашен девизом правления *Кхай-динь*. 20 мая 1916 г. император издал профранцузскую прокламацию, в которой заявил о своем намерении укреплять свою политическую власть под эгидой французских властей. Отныне контроль со стороны французской администрации протектората был не только не отрицаем, но и все более необходим императору для сохранения своей власти. Желая поощрить это, французские власти в апреле 1918 г. учредили национальный празд-

ник — годовщину восшествия на престол императора *Зя-лонга*, что должно было символизировать возрождение династии. Титул императора был возвращен в официальные документы. Было также решено дать императору видимость права контроля над Тонкином³⁰.

Однако эта либеральная, хотя и крайне осторожная политика колониальных властей в Индокитае, как обычно вызвала незамедлительную реакцию страхов и сомнений в Париже. В депеше от 9 октября 1917 г. министр колоний заявил, что для предотвращения повторения событий 1916 г. (восстание *Зуи-тана*) необходимо усилить контроль над Двором Хюэ. Многие французские администраторы, служившие в Индокитае, также опасались, что автономия, пусть и в мягкой форме, даст возможность императору и его приближенным при первом же подходящем случае выступить против французских властей. Поэтому в колониальных кругах созревало четкое намерение покончить с монархией и вьетнамской администрацией на местах, равно как и с политикой сотрудничества с вьетнамскими чиновниками.

Конвенция 6 ноября 1925 г., заключенная между представителями протектората и Регентским советом, не обладавшим контролем над гражданской вьетнамской администрацией, которая уже давно перешла в ведение французских властей, означала логическое завершение длительного процесса политического и административного разрушения былых основ империи Дайнам и изъятия оставшихся властных прерогатив вьетнамского императора. Этот поэтапный процесс передачи атрибутов и прерогатив императорской власти в руки властей французского протектората, начавшийся с момента подписания договоров 1883—1884 гг., продолженный указами 1897—1898 гг., завершился именно в 1925 г. Перед лицом нараставших революционных и антимонархических настроений во Вьетнаме император *Кхай-динь* был вынужден передать одну из главных сакральных функций вьетнамских императоров — заботу о храмах и могилах императорских предков французским властям.

Таким образом, в результате французского завоевания Вьетнама представители французского протектората взяли на себя осуществление функций местных вьетнамских чиновников, с

одной стороны, и прерогатив императорской власти, с другой, сконцентрировав таким образом все рычаги власти в своих руках. Во многом этого удалось добиться посредством разжигания внутренних противоречий при Дворе Хюэ, возведения на престол слабых и несовершеннолетних правителей. В результате вьетнамская монархия оказалась перед лицом распада не только былой территориальной целостности империи, но и, что более важно, своих социо-культурных основ. Власти протектората последовательно лишали институт монархии ее ведущей роли в поддержании социального порядка в государстве и сакральной функции — в обладании Мандатом Неба. Действия французских властей привели к тому, что традиционные понятия верности и преданности монарху не имели больше смысла: монархия превратилась в глазах народа в марионеточный институт в руках завоевателей, а монарх, лишенный прямой возможности управлять своим народом, утратил в его глазах легитимность.

В самой метрополии, в Париже, на протяжении всех десятилетий после начала завоевания Вьетнама Францией происходила непрерывная острая политическая борьба по вопросу организации власти французского протектората в Тонкине и Аннаме, по выработке соответствующего политического курса. Колониальные круги Парижа уже в начале XX в., задолго до 1930-х годов, прибегали к изучению опыта методов колониального управления Англии и Голландии, особенно во взаимоотношениях с местными монархическими институтами.

Период колониального развития Вьетнама существенно повлиял на формирование современной концепции нации. Националистические настроения, сконцентрированные в начале своего развития на необходимости восстановления монархии, постепенно меняют свое направление, и с 1920-х годов насущной необходимостью становится проблема формирования новой политической системы в рамках модели «нация—государство» по примеру тогдашних западных моделей, основанных на идеологии либерализма, республиканства и демократии. Отныне основополагающей становится преданность идее нации и построения национального республиканского государства в духе времени.

Датой формального конца вьетнамской монархии считают отречение от престола последнего императора *Бао-дая* 25 августа 1945 г. в пользу коммунистического руководства Демократической Республики Вьетнам. На самом деле она перестала играть какую-то существенную роль в жизни страны задолго до этой даты.

Список условных сокращений

A.N.S.O.M. Archives nationales, Section Outre-mer.
Indochine A.F. et N.F. : Indochine, ancien et nouveau fonds.
D.A.O.M. : Dépôt des Archives d'Outre-mer.
Gouv. gén. Indo. : Gouvernement général de l'Indochine.
A.E. : Archives du ministère des Affaires étrangères.

Примечания

- ¹ Đại Nam Thực Lục. Hà Nội, 1963—1978. Т. 34. С. 268.
- ² *Кравицова М.Е.* История культуры Китая. СПб., 1999. С. 145.
- ³ *Бандиленко Г.Г.* Концепция монархической власти как объект систематического описания // Три четверти века. Д.В. Деопику — друзья и ученики. М., 2007. С. 70—78.
- ⁴ *Новакова О.В., Цветов П.Ю.* История Вьетнама. М., 1995. Ч. 2. С. 98.
- ⁵ Nguyen The Anh. Monarchie et fait colonial au Viet-Nam (1875—1925). Paris, 1992. С. 36.
- ⁶ *Новакова О.В., Цветов П.Ю.* Указ. соч. С. 101.
- ⁷ Позиции при Дворе Верховной императрицы — матери усопшего императора — традиционно были очень сильны при всех вьетнамских династиях.
- ⁸ Fourniau Ch. Annam—Tonkin 1885—1896, Lettrés et paysans vietnamiens face à la conquête coloniale. Paris, 1989. С. 95.
- ⁹ Ibid. С.106.

- ¹⁰ A.N.S.O.M., Indochine A.F., 51/D 21 (3).
- ¹¹ Betts R.F. Assimilation and Association in French Colonial Theory, 1890—1914. NY, 1961. С. 2.
- ¹² Характерно, что когда в 1876 г. на столичных конкурсных экзаменах была предложена тема: «Полезна ли была модернизация для Японии?», подавляющее большинство экзаменовавшихся ответили отрицательно (*Новакова О.В., Цветов П.Ю.* История Вьетнама. М., 1995. Ч. 2. С. 96).
- ¹³ Nguyen The Anh... С. 273.
- ¹⁴ A.N.S.O.M., Indochine A.F., 3/A 12 (3).
- ¹⁵ Ibid., 6/A 20 (26) et 19/A 30 (84).
- ¹⁶ Nguyen The Anh... С. 173.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid. С. 174.
- ¹⁹ Ibid. С. 177.
- ²⁰ D.A.O.M., Gouv. gén. Indo., dossier 23172.
- ²¹ Ibid. С. 190.
- ²² В связи с этим в 1903 г. была создана Школа общественных работ для подготовки технических сотрудников Службы общественных работ. В 1906 г. была открыта Школа почты и телеграфа. Наконец, в мае 1906 г. был открыт Индокитайский университет, куда вошли указанные Школы, а также факультеты гуманитарных наук, медицинский, ветеринарный, управления и права (Школа *хау бо*, секция вьетнамских служащих).
- ²³ A.N.S.O.M. Indochine A.F., 9/A 20 (54).
- ²⁴ Gouvernement gén. Indo.
- ²⁵ A.E., dossier 44.
- ²⁶ Gouvernement gén. Indo., dossier 9602. Као Суан Зуку было высказано недовольство со стороны верховного резидента Аннама Жоржа Маэ в том, что он препятствовал реорганизации туземного образования и трехгодичных столичных конкурсов.
- ²⁷ Gouvernement gén. Indo., dossier 9615.
- ²⁸ В январе 1913 г. Жорж Маэ провел раскопки в месте захоронения императора *Ты-дыка* в надежде найти там клад, что было, по сути, оскорблением важнейшего традиционного культа почитания предков и

императорских могил. Чиновники Тонкина написали совместную жалобу властям протектората. В 1913 г. верховный резидент Жорж Маэ был отозван во Францию. Gouvernement gén. Indo., dossier F 03/60.

²⁹ Важно отметить, что недовольство постоянным нарушением французскими властями принципов протектората в Аннаме вылилось в 1930-е годы в создание вьетнамской элитой «Группы 1884», в которой видную роль играл Нго Динь Зьем, известный своими антиколониальными настроениями.

³⁰ Nguyen The Anh... С. 250.

А.А. Соколов

ХО ШИ МИН: ПОЕЗДКИ В СССР В 1950 И 1952 ГГ. «МЕМУАРНАЯ» ИСТОРИЯ

О поездках Хо Ши Мина в Советский Союз в начале 1950-х годов известно немного, а имеющаяся информация порою противоречива и содержит взаимоисключающие факты. Количество официальных источников очень ограничено, к тому же они большей частью фиксируют лишь факт нахождения Хо Ши Мина в советской столице в указанные годы. Архивные документы до сих пор малодоступны, поэтому исследовать эту проблему приходится, опираясь часто на так называемые *источники личного происхождения* — мемуары, дневники, устные интервью, письма. С одной стороны, эти материалы дают возможность узнать множество деталей и примет времени, которые отсутствуют в других источниках. С другой — их использование, несомненно, снижает достоверность, поскольку информация зависит от памяти информанта и его отношения (понятно, почти всегда субъективного) к этим событиям и персонажам.

Среди источников личного происхождения особую группу составляют мемуары или воспоминания, ценность которых для исторической науки определяется их конкретностью, способностью автора отразить свое личное отношение к событиям, в ко-